

Каталин Мокань, Лексические особенности венгерских языковых островков Закарпатской области (восточная часть). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1972.

14 декабря 1972 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета Каталин Мокань успешно защитила диссертацию, выполненную во время занятий в аспирантуре на кафедре финно-угорских языков Тартуского университета под руководством П. Аристе. Официальными оппонентами были доктор исторических наук проф. А. И. Попов (Ленинград) и канд. филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Тарту); из-за болезни первого оппонента был назначен дополнительным оппонентом член-корреспондент АН ЭССР, доктор филологических наук проф. А. Каск (Тарту). Все оппоненты дали работе высокую оценку.

Диссертация К. Мокань посвящена изучению лексики девяти венгерских языковых островков в Закарпатской области Украинской ССР: Вышково (Visk), Тячево (Técső), Округла (Kerekhegy), Солотвино (Aknaszlatina), Великий Бычков (Nagybocskó), Кобылецкая Поляна (Gyertyánliget), Деловое (Fehérpatak, Tribusa), Рахов (Rahó) и Ясиня (Kőrgömező). В этом плане диссертация частично восполняет определенный пробел в венгерской диалектологии, тем более что она основывается на оригинальном материале, собранном самим автором в пяти экспедициях.

Диссертация состоит из введения (15 стр.), двух глав (90 + 91 стр.), заключения (10 стр.) и, кроме того, списков литературы, сокращений и т. п.

Во введении определены задачи, дан обзор истории образования и изучения языковых островков, изложены их фонетические особенности. Отсюда выясняется, что венгерское население на этой территории появилось в XIII—XVI столетиях, причем выходцы из Солотвино положили начало и венгерскому населению в Округла. Из непосредственных влияний следует учитывать также немецкое и украинское, а в Солотвине и Великом Бычкове — и румынское. На основе фонетических критериев К. Мокань делит все островки на три группы, причем говоры

Вышково и Тячево образуют самостоятельные группы. Говор Вышково характеризуется переходами $\ddot{o} > e$ и $o > a$ в безударной позиции, говор Тячево — переходом $a > o$ в некоторых суффиксах, остальные говоры характеризуются укорочением долгих (двойных) согласных.

Во введении уточняется также тема диссертации — в ней рассматривается лексика, связанная с животноводством: во-первых, традиционные выражения, которые употребляются при обращении с животными (при подзыве, отгоне, отпугивании), во-вторых, слова, непосредственно связанные с животными и животноводством. Это ограничение темы можно считать разумным, так как речь идет, если не считать кролиководства и разведения индюков, о традиционной жизненной деятельности как венгров, так и их соседей. Одна из целей работы, притом, явно, главная — выявление диалектной лексики и ее происхождения.

В первой главе «Побудительно-волевывражающие слова и связанные с ними именные образования в венгерских языковых островках восточного Закарпатья» рассматриваются слова, употребляемые при обращении с животными, и это, по-видимому, самое обширное изложение подобной темы в финно-угроведении. Эта глава, если иметь в виду место рассматриваемой здесь лексики в лексике животноводства вообще, диспропорционально велика, но если учесть, что эта область в венгерской диалектологии (и не только в венгерской!) до сих пор недостаточно разработана, то нет оснований упрекать автора в диспропорции. Наоборот, следует подчеркнуть смелость диссертантки, взявшейся за этимологию ономатопозитических слов, чего обычно, и не без причины, избегают даже опытные этимологи.

Среди непосредственных результатов первой главы особое значение имеет материал, очень корректно зарегистрированный во всех девяти языковых островках. Здесь мы находим ряд интересных фактов, например, подзывные типа *hijad anyu*

hijad 'зови, мать, зови' (для наседки вместе с цыплятами) и т. д. Кроме того, автору удалось убедительно показать происхождение более полусотни междометий, свойственных этим языковым островам, а также внести ряд уточнений или гипотез об уточнении в трактовку междометий, характерных для более широкой территории. Правильность этих гипотез, однако, может подтвердить лишь дополнительный материал из других венгерских диалектов. Кроме того, и на исследуемой территории было бы целесообразно систематически собрать такой близкий к рассматриваемому материал, как имитации голоса животных и детские названия животных, так как типологически распространенным является образование подзывных и даже названий животных на основе имитации их голоса. Единичные промахи автора вызваны именно стремлением сделать вывод при недостатке материала. Вряд ли надо искать в славянских языках происхождение подзывного для наседки с цыплятами *tyup* ~ *tyupi*, зафиксированного в Рахове, о котором нет данных как из других венгерских диалектов, так и из соседних языков, только на основе русского локализма *тыюк* 'индейка' (стр. 28). В то же время в венгерском языке курица называется *tyúk*, а в нескольких говорах подзывное для курицы — *tyu-tyu-tyu*. Неустойчивость звукового облика слов подобного типа общеизвестна, ср. эст. *tipp-tipp* и *tibu-tibu* (подзывные для кур или цыплят), причем *tibu* является также и существительным, или ср. подзывные для кур в северновепском диалекте, где в близко находящихся деревнях в одной употребляется *t'ipei-t'ipei*, в другой — *t'urpej-t'urpej*, в третьей — *t'urpej-t'urpej* ~ *t'ur-t'ur*, в четвертой — *t'ura-t'ura* ~ *t'ur-t'ur*. Поиски иноязычных влияний для каждого варианта в отдельности явно не имеют смысла. Пешенно и утверждение, что венгерское название кошки *cica* является суффиксальным образованием от подзыва *cic*, которое, по утверждению автора, в свою очередь образовано от имитации писка мыши. Как же имитируется в рассматриваемых островах писк мышей — не выяснено, зато сделан намек на словарные статьи *cic* и *cincog* в TESz и на подзывное кошки *misz* в венгерских гово-

рах Словакии (по-видимому, из-за определенного сходства со словацким названием мыши *mys*).

Во второй главе «Наблюдения над лексикой животноводства венгерских языковых островков восточного Закарпатья» анализируются различные термины: названия пород, частей тела и болезней животных, слова, характеризующие домашних животных по внешнему виду или поведению, лексика, связанная с кормлением, пастыбой и уходом за домашними животными, названия продуктов животноводства и животноводческих построек. Вообще, рассматривается здесь свыше 120 основ, отличающихся от слов с соответствующим значением в других диалектах. Анализ всех этих слов проводится на равномерно хорошем уровне. Лишь постулируемое автором изменение значения 'бездетный' → 'яловый' слова *fajtalan* в говоре Вышково явно не реально; автор исходит, видимо, из русского языка, в котором оба значения строго специфичны, и, кроме того, совершенно не учитывает, что венгерское существительное *faj* 'раса, племя; порода; род, вид', от которого *fajtalan* образовано, относится не только к людям. Итак, если *fajtalan* действительно в каком-нибудь говоре выступает только в значении 'бездетный', то мы имеем дело с ограничением первоначального общего значения. Хотя во всех остальных случаях выводы автора являются одинаково ценным дополнением к венгерской лексикологии, хочется обратить внимание на интересное предположение автора на стр. 178—179 о том, что венг. *fos* 'понос' и *focs* 'жидкая желтая глина' общего, финно-угорского происхождения, причем в последнем случае имеет место изменение значения 'жидкое испражнение' → 'жидкая желтая глина'. Кроме того, следует отметить, что здесь впервые дается этимологическое объяснение таким словам, как *holdàjka* 'корова с белой полоской или пятном на лбу', *haldány* 'посеянная между кукурузой семенная конопля', *mukuszini* 'неопределенного цвета или масти', *konta* 'куцохвостая (лошадь, собака, свинья)', *tejava* 'сыворожка, пахта'.

В заключении рассматриваются, во-первых, основные пути образования особенностей в лексике рассмотренных го-

воров. По мнению автора, здесь сохранился ряд лексем или семем, которые в других диалектах вышли из употребления, например *küre* (слово, которым отгоняют собак), *kéirőűje* 'жвачная отрыжка скота', *fertőű* в сложном слове *disznófertőű* 'место купания дикой свиньи', *focs* 'смесь желтой глины, коровьего навоза, укуса и соли, употребляемая как наружное средство; мазь для скота от опухоли, прокола, укуса и т. п.' Далее, влияло внутреннее языковое развитие говоров, иноязычное влияние и даже взаимовлияние самих венгерских островков. Например, только в Вышкове и Кобылецкой Поляне *fűszű* — 'отвислая мясистая кожа под шеей у крупного рогатого скота', что дает автору некоторое основание предполагать, что говор Вышково является передающим. Во-вторых, рассматривается то, что автор называет нулевыми или отрицательными диалектизмами. Эти представленные с некоторой неуверенностью термины служат для обозначения понятий или групп понятий, которые отсутствуют в одних говорах, хотя налицо в других. Например, в Кобылецкой Поляне отсутствуют многие термины, связанные с овцами, волами, кроликами, гусями китайской породы, так как венгры в Кобылецкой Поляне не разводили овец, волков, кроликов и гусей китайской породы. Вообще эта идея автора заслуживает более серьезного внимания: если дальше учесть, что такие понятия и группы понятий распадаются на две группы: а) те, которые сохранились в одних говорах, но вышли из употребления в других (напр. *kéirőűje* 'жвачная отрыжка скота' и *disznófertőű* 'место купания дикой

свиньи', сохранившиеся в говоре Вышково), и б) те, которые возникли в одних говорах либо под иноязычным влиянием (напр. подзывные для кур, когда желают их поймать, ср. *szilà kòqò szilà kòqò* (Округла), *szilà bàbèrà szilà bàbèrà szilà* (Деловое, Ясиня) или *halàltyuk* (Беликий Бычков), *viscsurna tyuk* (Ясиня) 'кураца, которая запела петухом') либо в условиях специализаций в какой-нибудь области деятельности, которая менее развита в других районах, то допустимо, что отсутствие понятий или слов, соответственно, разбивается на а) отрицательные и б) нулевые локализмы (или диалектизмы). Несомненно, для истории языка отрицательные локализмы представляют наибольший интерес, нулевой же локализм оказывается лишь теоретической фикцией. В-третьих, автор рассматривает процентный состав исследованной лексики по происхождению. К исконному словарному составу относится 46,7% слов, в том числе к общему с другими финно-угорскими языками только 8,1%; славянских слов 25,8%, в том числе (закарпатско-)украинских 20,1%, румынских 6,9%, немецких 5,1%, прочих 5,3%, слов неизвестного происхождения 10,2%.

В отношении такого хорошо этимологизированного языка, как венгерский, диссертация К. Мокань представляет собой значительное достояние. С другой стороны, в ней немало интересного и существенного и для лингвистов, изучающих контактирующие языки.

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Тарту)